

Соратник Орлеанской девы. Триумф и трагедия Жиля де Рэ

Автор:

[Александр Путятин](#)

Соратник Орлеанской девы. Триумф и трагедия Жиля де Рэ

Александр Путятин

Всемирная история (Вече)

Все или почти все хотя бы раз в жизни слышали о Жанне д'Арк, народной героине Франции, чьими усилиями французам удалось переломить ход Столетней войны. Увы, мало кто слышал имя ее боевого соратника и преданного друга – барона Жиля де Рэ, чей удел едва ли не более трагичен, чем доля Жанны. Маршал Франции, получивший графский титул, спустя девять лет после казни Орлеанской девы был осужден за ересь и колдовство и насильственные действия. Его имя старались вычеркнуть и замолчать. В народной памяти остались лишь легенды, в которых злодействует жуткий «герцог Синяя Борода»... Но каков он был на самом деле?

Александр Путятин

Соратник Орлеанской девы: триумф и трагедия Жиля де Рэ

© Путятин А.Ю., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Введение

О том, кто такая Жанна д'Арк, известно всем. Народная героиня, чей талант полководца, личная храбрость и сказочная удача позволили французам переломить ход Столетней войны – самого долгого и напряжённого конфликта Западной Европы. Юная пастушка из деревни Дореми возглавила армию, сняла блокаду Орлеана, разгромила англичан и короновала дофина в Реймсе. После этой церемонии Карл VII, желая подчеркнуть исключительные заслуги Жанны перед Францией, разрешил ей поместить на своём гербе королевские лилии – символ принадлежности к правящему дому. Рассказ о жизни и судьбе Орлеанской девы вошёл во все учебники по всемирной истории. За прошедшие столетия создано свыше семи тысяч её биографий. Было написано множество научных и художественных книг об участии Девы в освободительной борьбе. Опубликованы миллионы статей и очерков, посвящённых подвигам Жанны и её мученической смерти во имя Франции. Сняты десятки кинолент...

Но мало кто знает, что лилии на герб получил в тот день ещё один человек: боевой соратник Девы и её преданный друг – барон Жиль де Рэ. Однако Карл VII на этом не остановился... В день его коронации молодой аристократ стал маршалом Франции, а одно из земельных владений его семьи королевским указом было преобразовано в графство. Таким образом, по горячим следам заслуги Жилия оценили выше, чем подвиг Девы!.. Почему же дальше их стали замалчивать? Разгадка проста. Маршала де Рэ осудили за ересь и колдовство на девять лет позже Жанны д'Арк. Процесс против него был лучше организован и подготовлен. Грубых ошибок, подобных тем, что позволили позже реабилитировать Деву, судьи Жилия не допустили... И официально он всё ещё виновен.

Однако это лишь одна из причин, по которым маршал превратился в «фигуру умолчания». Вторая – состоит в том, что обвиняли его не только в ереси и колдовстве. Суд счёл Жилия де Рэ сексуальным маньяком, изнасиловавшим и убившим более 140 детей... Понятно, что такому персонажу не было места в истории освободительной борьбы. Вскоре его «тихо» вычеркнули из хроник и биографий... Остались лишь материалы дела, время от времени публикуемые в

юридических сборниках, да «чёрные» легенды, в которых Жиль фигурирует под именем «герцог Синяя Борода».

Но был ли маршал виновен в этих злодеяниях? А если так, то почему Жанна д'Арк терпела рядом с собой жуткого маньяка? В поисках ответов нам придётся познакомиться с эпохой, в которую жил герой этой книги... Присмотреться к людям, что его окружали... Изучить законы и обычаи, которые господствовали в те годы во французском обществе. Нужно будет проследить весь жизненный путь Жилия де Рэ – от рождения до смерти, постараться найти объяснения его намерениям и поступкам... В поисках истины мы подробно разберём материалы судебного процесса, проанализируем и сопоставим показания потерпевших, свидетелей и обвиняемых... И не исключено, что после этого ответы придут сами собой.

Часть I

Столетняя война и Жиль де Рэ: история великая и малая

Глава 1

Начало войны. Английские победы при Креси и Пуатье. Контрнаступление Бертрана Дюгеклена

С давних пор жизнь племён, населявших территории современных Англии и Франции, текла по единому галло-римскому руслу. А после завоевания в 1066 году Английского королевства нормандским герцогом Вильгельмом эти страны сблизилась ещё больше. Таким образом, в период между 1066 и 1337 годами скорее можно говорить о единой англо-французской истории, чем об истории двух разных стран. К началу XIV века на территории этого конгломерата образовалась пара королевских доменов, в каждом установилось прямое монархическое правление. В Англии и Иль-де-Франс рыцари приносили присягу не только вышестоящему феодалу, но и своему верховному сюзерену – королю. И в первую очередь они были обязаны хранить верность государю, а уже потом –

сеньору. В остальных графствах и герцогствах продолжало действовать старое феодальное правило: «Вассал моего вассала – не мой вассал».

Поскольку вся эта «спорная» территория формально принадлежала французскому королю, начавшаяся централизация поставила его английского соперника перед выбором: уступить коллеге свои континентальные владения или предъявить претензии на французский трон. Но первый вариант означал потерю громадных пространств, приносящих в казну львиную долю доходов. Естественно, что идти на такие жертвы властители Англии не хотели. В то же время сюзерены Франции не имели возможности подчинить своей власти земли полусамостоятельных графов и герцогов до тех пор, пока на территории страны существовал второй «центр притяжения» – владения, тяготевшие к британской короне.

В свою очередь английские короли, начиная с Генриха II, не оставляли надежды на создание могучей Анжуйской империи, включающей Британские острова и значительную часть французских владений (Нормандию, Мен, Турень, Анжу, Аквитанию и т.д.). Каждый выдающийся правитель Англии – Генрих II, Ричард I, Эдуард I – пытался максимально увеличить и закрепить за собой причудливый комплекс земель, образовавшийся в результате династических браков и военной экспансии Плантагенетов в XII—XIII веках.

Права на французский престол, возникшие у Эдуарда III после прекращения мужской линии Капетингов, давали ему прекрасную возможность разрешить застарелый конфликт. С этого момента военное столкновение Англии и Франции становилось лишь вопросом времени. Но сначала Эдуарду III требовалось обезопасить северную границу.

В 1332 году его войска вторглись на территорию Шотландии. В трудных условиях горной страны молодой английский король несколько лет выковывал победоносную армию. Впрочем, по другую сторону Ла-Манша его успехи не казались впечатляющими, и в мае 1337 года Филипп VI объявил о конфискации Гаскони. Это был серьезный удар. В те времена британская корона ежегодно получала из Гаскони до 50 тысяч фунтов стерлингов – сумму, близкую к общим поступлениям в казну английского королевства. Одни только пошлины на вино приносили Эдуарду III свыше 12 тысяч фунтов стерлингов в год.

Английский король понял: наступило время решающего столкновения. Действия Филиппа VI позволяли Эдуарду III предстать перед собственными подданными и

иностранными державами в роли пострадавшей стороны. Заручившись поддержкой общественного мнения, британский монарх объявил Франции войну.

Поначалу действия развивались неспешно. Первое крупное сражение произошло на море в 1340 году. 24 июня английская эскадра из 250 кораблей атаковала при Слейсе объединённый франко-кастильско-генуэзский флот, в составе которого было 400 парусных и гребных судов. Эдуард III сумел навязать противнику сражение в узком проливе, где численное преимущество союзников роли не играло. Зато по максимуму сработало превосходство англичан в манёвренности и вооружении. Каждый из французских кораблей первой линии атаковали по 3—4 вражеских судна. Английские лучники вели убийственный огонь, а когда ряды защитников редели, в бой шли абордажные команды. Первыми жертвами британцев стали французские флагманы. Покончив с передовой линией судов, англичане атаковали вторую, третью... К вечеру союзный флот был практически уничтожен. Вырваться из ловушки удалось лишь нескольким генуэзским галерам.

Завоевав господство на море, Эдуард III получил возможность свободно перебрасывать войска на континент. Его армии повели наступление сразу с нескольких сторон: из Фландрии, из Аквитании и с территории союзной Бретани. В июле 1346 года основные силы англичан во главе с королём вторглись в Нормандию, уничтожая всё на своём пути. Французская армия встретила противника недалеко от Руана, но в бой вступать не стала, а двинулась параллельным курсом. Филипп VI ещё не собрал все войска, и потому старался избегать сражений. Отряды Эдуарда III беспрепятственно двигались к Парижу, опустошая окрестности. Разорив земли вокруг столицы, английская армия двинулась через Пикардию в направлении Фландрии, оставляя за собой сожжённые деревни и разорённые города.

Между тем к Филиппу VI подошли подкрепления, и 26 августа у деревни Креси он решил атаковать противника. Английская армия заняла позицию на гребне холма. Эдуард III построил её тремя отрядами: на правом фланге войсками командовал принц Эдуард Уэльский[1 - Юный наследник престола.], на левом – граф Нортхемптон, в центре и чуть-чуть сзади – сам король. Английские лучники выстроились клиньями между позициями копейщиков. Фланги армии надёжно прикрывали густые леса. Поле перед фронтом было неровным, поперёк его пересекали три насыпи. Кроме того, англичане загодя вырыли множество узких продольных траншей. Сделав местность непригодной для кавалерии, Эдуард III

приказал своим рыцарям оставить лошадей в обозе и биться в пешем строю. Данные о численности его армии колеблются от 9 до 20 тысяч человек, наиболее вероятна цифра в 12 тысяч ратников.

Французские войска заметно превосходили противника числом. В распоряжении Филиппа VI было не менее 25 тысяч воинов. Однако основная масса пехотинцев отстала по дороге и в сражении не участвовала, поэтому реально силы французов не превышали 14 тысяч бойцов. Утром прошёл сильный дождь, и марш по непролазной грязи не лучшим образом сказался на людях и лошадях. Стоило дать армии отдых и подождать отставшие отряды, но французские бароны рвались вперёд, и Филиппу VI пришлось начать атаку. Первыми пустили в бой генуэзских стрелков. Однако из-за царившей в армии неразберихи их тяжёлые щиты-павезы остались в обозе, а намокшие под дождём арбалеты потеряли дальноточность. Генуэзцы пытались доказать, что с ослабленными тетивами и без щитов атака лишена смысла, но рыцари заставили их идти вперёд силой.

С первых минут сражения стало ясно, что генуэзцы были правы. Английские луки били вдвое дальше, а защищённые щитами лучники стреляли втрое чаще. Под непрерывным градом стрел генуэзцы сначала попятнулись, затем побежали... А навстречу им уже неслась лавина французской конницы под командованием герцога Алансонского. На поле перед холмом началась безобразная свалка. В ярости Алансонский приказал рыцарям рубить генуэзскую пехоту. Со стороны британцев продолжал сыпаться град стрел, поражая людей и лошадей. Нескольким французским отрядам удалось доскакать до вражеских позиций, кое-где они даже смогли прорваться за выставленные англичанами частоколы, но под ударами мечников и копейщиков вынуждены были откатиться назад.

Рыцари Филиппа VI были храбрыми воинами. Не считаясь с потерями, они снова и снова штурмовали укрепленные позиции англичан. Однако после 16-й безуспешной атаки вынуждены были прекратить сражение. Раненый король покинул поле боя в последних рядах. На следующее утро он прибыл в Амьен в сопровождении шести баронов и нескольких ополченцев. Это было всё, что осталось от огромной армии. В битве при Креси французы только убитыми потеряли более 11 тысяч человек, из них свыше 1,5 тысячи рыцарей. И это – не считая отставших от армии отрядов, которые англичане разгромили на следующий день. Развивая успех, Эдуард III в 1347 году захватил порт Кале. Его жители держались почти год, но припасы закончились, и голод вынудил

французов капитулировать. Разъярённый их сопротивлением Эдуард III повелел изгнать всех горожан, отняв их имущество, а опустевший Кале заселить англичанами.

Таким образом, с 1346 года война начала приносить британскому народу ощутимые материальные выгоды. После каждого грабительского рейда через Ла-Манш на кораблях плыли драгоценности, вещи и деньги. По словам Уолсингема, в Англии «теперь не было женщины», не имевшей одежды, украшений или посуды из Кале и других французских городов. Во многих домах появились «трофейные» золотые и серебряные изделия. Серьезным источником доходов стали выкупы за пленников, огромное число которых появилось в Англии после битвы при Креси. Очень ёмко новую ситуацию обрисовал хронист Бертон: «И возникло тогда общее мнение народа, что пока английский король будет завоевывать Французское королевство, они будут процветать».

Британское наступление продолжалось. Наибольшего успеха добились войска наследника престола Эдуарда, прозванного в народе Чёрным Принцем. Его армия вторглась в Аквитанию, захватила Бордо и начала совершать набеги за Луару: сжигать города и крепости, опустошать деревни. В Париже понимали, что надо положить этому конец. Генеральные штаты выделили средства для сбора огромной армии. В конце лета 1356 года французские войска во главе с королем Иоанном II Добрым, сыном умершего в 1350 году Филиппа VI, выступили из Парижа на юго-запад. Форсировав Луару, они обнаружили, что армия Чёрного Принца, обременённая обозом с добычей, находится у стен Тура. Сил у англичан были значительно меньше, чем у противника, и они начали отступать к Бордо. Французская армия опередила врага и в районе Пуатье отрезала ему дорогу на юг.

Зная, что на стороне Иоанна II пятикратный численный перевес – более 35 тысяч французов против 7 тысяч англичан, – Чёрный Принц предложил решить дело миром. Он заявил, что готов вернуть военную добычу, пленников, все захваченные крепости и города, если английским войскам предоставят свободный проход в Бордо. Однако французский король, уверенный в силе своей армии, потребовал безоговорочной капитуляции. Переговоры были прерваны.

Иоанн II ещё до начала сражения считал себя победителем – чувство при встрече с таким серьёзным противником, как англичане, мягко говоря, неуместное. В королевский лагерь, помимо армии, прибыло большое ополчение горожан. Иоанн II отослал их по домам... Король и его окружение жили отмирающими

традициями, согласно которым война была делом знатных сеньоров и их феодалных дружин.

19 сентября 1356 года французские рыцари двинулись на врага. Снова, как и в битве при Креси, они наступали вверх по склону холма на укрепленные позиции англичан. Только на этот раз по приказу короля многие шли в атаку в пешем строю. Получилось ещё хуже. Дружины отдельных феодалов действовали разрозненно, без оглядки друг на друга. Британцы громили их последовательно – одну за другой. Стрелы, выпущенные из больших английских луков, собирали кровавую жатву. Когда сражение достигло критической точки, Чёрный Принц бросил в бой резерв – конных рыцарей, спрятанных до срока в лесу. Увидев, что французы попятятся под их ударом, английская пехота в едином порыве бросилась на врага. Разгром был полный. Французы потеряли убитыми более 13 тысяч человек, из них свыше 3 тысяч рыцарей. Иоанн II попал в плен.

Поражение при Пуатье поставило Францию на грань катастрофы. Страна потеряла армию, лишилась короля. В марте 1357 года Иоанн II подписал в Бордо перемирие с англичанами, признав все захваты Чёрного Принца. Однако народ Франции не был настроен на капитуляцию. Горожане и крестьяне решительно сопротивлялись завоевателям. В ответ британцы принялись дотла сжигать города, в которых встречали отпор всего населения, а не только гарнизона. Период с лета 1358 года до осени 1359 года стал временем максимальных опустошений. Английские солдаты разграбили и обескровили Нормандию, Пикардию и Бретань, превратили в пустыню земли до самых предместий Парижа. Однако сопротивление нарастало. Эдуард III чувствовал, что его армия увязает в Северной Франции.

И тут на сцену снова выступил Иоанн II. В самый разгар народной войны он подписал в Лондоне мирный договор. В обмен на отказ Эдуарда III от претензий на французскую корону ему отходила половина Франции: весь Юго-Запад в границах древней Аквитании, а также Анжу, Мен, Пуату, Турень, Нормандия, Понтье и т.д. Это были провинции, когда-либо входившие в состав «анжуйского наследства», плюс порт Кале и ключевые острова у берегов Фландрии. Важно, что английский король получал их не в лен от французского, а в суверенное владение, как независимый государь. Такой мир был хуже, чем любое поражение. Ограбленная и наполовину урезанная Франция едва ли могла бы долго просуществовать рядом с возродённой Анжуйской империей.

Однако в Париже нашлись силы, готовые воспротивиться условиям Лондонского договора. Принявший титул регента дофин Карл[2 - Будущий король Карл V.] отказался признать подписанный отцом документ. Не утвердили его и Генеральные штаты. Разъярённый Эдуард III начал готовить войска для решающего удара по Франции. Осенью 1359 года с армией в 30 тысяч человек он высадился в Кале, прошёл через Бургундию и осадил Реймс. На этот раз бургундский герцог не стал сопротивляться вторжению. Он попросту откупился от англичан. Взяв деньги, Эдуард III согласился не грабить Бургундию и «мирно пройти» через её территорию. В Реймсе английский король планировал возложить на свою голову корону Франции. Но жители города закрыли ворота перед захватчиком. Холодная зима и трудности снабжения вскоре заставили англичан снять осаду.

Эдуард III двинулся к Парижу. Добиваясь капитуляции противника, британцы беспощадно опустошали пригороды столицы. Английский хронист гордо писал, что из сожжённых окрестностей французы «бежали, как зайцы». Он явно преувеличивал. Дух сопротивления нарастал: не сдавался Реймс, отчаянно бились с захватчиками жители Амьена, в Руане было создано народное ополчение, которое вместе с нормандскими рыцарями сражалось за каждую крепость, пикардийские моряки по собственной инициативе атаковали английское побережье.

В апреле 1360 года Эдуард III согласился на переговоры с дофином Карлом. После месяца ожесточённых споров в деревне Бретињи близ Шартра был подписан договор, ратифицированный затем обоими королями в Кале. Потери Франции были велики, но не так трагичны, как по условиям мира, подписанного Иоанном II. В обмен на отказ Эдуарда III от притязаний на французскую корону он получил в своё распоряжение юго-западные земли и владения на севере с центром в Кале. Народное сопротивление позволило Франции вернуть обширную территорию, которую Иоанн II уступил по условиям лондонского договора: Нормандию, Мен, Анжу, Турень и ряд более мелких владений.

Хотя договор в Бретињи и завершил первый этап Столетней войны, он не разрешил, да и не мог разрешить спорных вопросов. Серия блестящих военных успехов 1350-х годов (как и прежние удачные сражения 1340-х) не привела к полной победе Англии из-за того, что яростный натиск британских войск всякий раз разбивался об упорное сопротивление простых французов. Так было и в 1346—1347 годах при осаде Кале, и в 1358—1359 годах, когда англичане не смогли добиться реального покорения Нормандии и Пикардии. Война,

начавшаяся как типичный феодальный конфликт, стала перерождаться в межнациональное противостояние.

Это прекрасно понимал молодой французский король Карл V, взошедший на трон в 1364 году, после смерти Иоанна II. Пренебрегая рыцарскими традициями, новый правитель никогда не выходил на турниры и поля сражений, зато тратил огромные деньги на приобретение древних рукописей и к концу жизни собрал одну самых крупных в Европе библиотек. Вся его политическая энергия в 1364—1369 годах была направлена на подготовку к борьбе против Англии. В историю этот монарх вошёл под лестным прозвищем Мудрый.

Собрав значительные денежные средства, Карл V к 1369 году укомплектовал большую «коронную» армию: свыше пяти тысяч человек тяжёлой конницы и тысячу арбалетчиков. Была усовершенствована организация войск, обеспечена регулярная выплата жалованья, улучшено снабжение и вооружение. По приказу короля горожане проходили военное обучение, готовясь к обороне на случай войны. На руководящие посты в армии выдвигались талантливые полководцы невысокого происхождения. Наиболее характерна в этом отношении фигура Бертрана Дюгеклена – рыцаря из Бретани, ставшего в 1370 году коннетаблем[3 - Коннетабль – с XII века – военный советник короля, а с XIV века – главнокомандующий армией.] Франции.

По меркам парижской аристократии это был безродный дворянин с полудикой окраины. Поразившее всех назначение оказалось на редкость удачным. На предыдущем этапе войны английская армия сочетала грабительские рейды по вражеской территории с крупными сражениями против французских войск. Битвы приносили огромные военные трофеи и знатных пленников, за которых можно было получить выкуп[4 - Так, за короля Иоанна II англичане потребовали выкуп в 3 миллиона золотых крон.]. Рейды давали богатую добычу. Английские солдаты были оплачиваемыми профессионалами, хорошо обученными и дисциплинированными.

Выработанная Эдуардом III тактика для своего времени была практически идеальной и не оставляла французам шансов на победу в генеральном сражении. Однако Карл V и Бертран Дюгеклен смогли разглядеть слабое место английской военной машины. Выигрышной тактике они сумели противопоставить гениальную стратегию. Профессиональная армия была ужасающе эффективным оружием, но при этом – безумно дорогим. Экономика Англии не могла её содержать. Поэтому британский монарх жил по принципу

«война кормит войну». Средства на содержание войск добывались в ходе боевых действий. Добывались с большим «приварком», которым король щедро делился с народом. В результате его завоевательная политика имела широкую поддержку в Англии и Гаскони.

С наступлением мира эти денежные потоки постепенно начали иссякать, и правительству пришлось усилить налоговую нагрузку. Особенно болезненным ударом это стало для Гаскони, где до войны английская администрация обходилась населению в сущие гроши. Ситуацию усугубил застарелый сепаратизм местной знати. Гасконские рыцари и бароны привыкли лавировать между английской администрацией и французской верховной властью. Прежде в политическом отношении они, как правило, поддерживали английского короля, менее опасного для традиционных гасконских вольностей, чем французский. Однако теперь, когда правивший герцогством Чёрный Принц усилил финансовое и административное давление, несколько видных сеньоров подали на него апелляцию Карлу V.

Французский король получил отличный предлог для отказа от условий мирного договора. Заручившись письменным заключением правоведов о законности его суверенитета в Аквитании, Карл V собрал все жалобы гасконцев на Чёрного Принца и потребовал от него ответа. Это была политическая пощёчина Эдуарду III, и английский монарх принял брошенный вызов. 3 января 1369 года он вновь провозгласил себя королём Франции и начал готовить армию для вторжения на континент.

Английские полководцы не сомневались: их ждёт лёгкая победа. Дважды – в 1369 году в Пикардии и в 1370 году вблизи Парижа – они пытались навязать противнику генеральное сражение, но французы оба раза уклонились от битвы, предпочитая небольшие стычки, внезапные нападения на марше, захват отдельных крепостей на флангах и в тылу врага. Куда бы ни двинулась британская армия, её сопровождали кавалерийские отряды противника. Опустошительные рейды по французской территории лишились главного экономического эффекта – богатой добычи. Со знатными пленниками тоже было не густо. Война во Франции из прибыльного предприятия постепенно превращалась для англичан в источник экономических бед. Ситуацию могли переменить крупные сражения, но Дюгеклен не собирался в них ввязываться. Его излюбленным приёмом было внезапное нападение на арьергард английской армии, возвращавшейся из изнурительного похода. Именно так французский коннетабль действовал против войск Кноллиса в Бретани и Чёрного Принца в

Гаскони.

Пока главная английская армия находилась на севере, французы усилили давление на Юг. Их отряды широко использовали партизанскую тактику: засады, нападения на вражеские войска на марше, короткие неожиданные схватки на лесных дорогах... Постепенно, город за городом, крепость за крепостью, французская армия освобождала Гасконь. В этом была немалая заслуга горожан, поднявших восстания на Юго-Западе. Наиболее крупным было выступление в Лиможе. Чёрный Принц жестоко расправился с его жителями, но этим лишь озлобил своих французских подданных. Английские владения на Юге продолжали сокращаться.

Эдуард III понимал: спасти ситуацию может только генеральное сражение. Если его войска сожгут и вырежут половину Франции, Карл V прикажет своим полководцам принять бой. В 1373 году армия герцога Ланкастерского совершила грандиозный опустошительный рейд от Кале до Бордо. За пять месяцев похода англичане сожгли и разорили многие районы Пикардии, Шампани, Бургундии, а также Овернь, Лимузен и ряд других областей. Однако герцогу не удалось захватить ни одного крупного города, а потому деньги для выплаты жалования пришлось собирать в английских владениях. Результат не заставил себя ждать: после отъезда Джона Ланкастерского на родину восстали все города Британской Гаскони, кроме Бордо и Байонны. От огромных английских владений на юго-западе Франции остались жалкие огрызки – меньше, чем перед началом Столетней войны.

Пока британская армия двигалась с севера на юг, Дюгеклен тоже не сидел без дела. Опираясь на помощь местных партизан и «тайные соглашения» с горожанами, его войска без осад и штурмов заняли почти всю Бретань. К концу 1373 года в Северной Франции у англичан остались лишь порт Кале и несколько крепостей в Нормандии.

Франция была близка к решительной победе, но англичане упорно удерживали те немногие крепости, что у них остались. Однако согласиться на перемирие Карла V вынудили не только внешние, но и внутренние причины, и в первую очередь рост сепаратизма феодальной элиты. Победы короля испугали крупных землевладельцев. Опасаясь усиления центральной власти, граф Фуа в 1375 году вступил в сепаратные переговоры с англичанами. Наваррский король Карл Злой пошёл ещё дальше: в 1378 году он продал Англии принадлежавший ему Шербур, а затем организовал заговор с целью убийства Карла V. Бретонский герцог,

вынужденный признать вассальную зависимость от французской короны, одновременно с этим заключил сепаратный договор с Англией, предусматривающий сохранение британского гарнизона в Бресте.

В результате к концу 1370-х годов англичане, несмотря на потерю основных континентальных владений, сохранили на французском побережье опорные пункты: Кале, Бордо, Байонну, Шербур и Брест. Это серьёзно снизило значение грандиозных побед Карла V. В будущем, как только ситуация переменится, эти клочки суши превратятся в плацдармы, с которых начнётся новое британское наступление.

Глава 2

Смерть Эдуарда III и Карла V. На французском престоле Карл VI Безумный. Окончание второго этапа Столетней войны

21 июня 1377 года, за несколько дней до окончания перемирия, умер Эдуард III. Он прожил 65 лет, из которых полвека правил Англией. Популярный в народе наследник престола, Чёрный Принц, скончался годом раньше. На трон взошёл его 10-летний сын Ричард II. В те времена юный король был истинным бедствием для страны. Средневековое государство, как норовистый конь, пыталось сбросить неумелого ездока. Казалось, вот она – возможность закончить ненавистную войну. Но в июле 1380 года умирает Дюгеклен, а в сентябре – Карл V. Королю было всего 42 года. Возраст, очень далёкий от старости. Трон занял 12-летний Карл VI. Естественно, он не мог править самостоятельно, и потому власть перешла к Большому совету из 50 человек, в котором 12 официально считались опекунами юного короля. Наиболее влиятельными членами совета стали младшие братья Карла V: герцоги Людовик Анжуйский, Жан Беррийский и Филипп Бургундский.

Все трое были умными политиками, красноречивыми ораторами, храбрыми воинами и талантливыми администраторами. В годы правления отца и старшего брата они вступили в ленное владение крупнейшими в стране герцогствами и были верной опорой трона. Но у каждого имелась заветная мечта, и смерть Карла V сработала как своеобразный катализатор, обострила в них желание бросить скучную рутину и двинуться без оглядки за сжигающей душой

страстью...

Герцога Анжуйского с детства одолевало властолюбие. Он горько сожалел о своей судьбе второго сына короля, которому не суждено занять отцовский трон. К чести Людовика стоит признать, что он никогда не покушался на жизнь брата и его сыновей. Зато внимательно присматривался к Неаполитанскому королевству, которым правила пожилая и бездетная Джованна I. Она официально объявила Анжуйского своим наследником, но было ясно, что трон не удастся занять без борьбы.

Соперник Людовика, Карл Дураццо, был хоть и дальним, но кровным родственником Джованны I по отцовской линии. Право и обычай стояли на его стороне, а значит, для успеха Анжуйскому требовалась сильная армия. Для сбора войск и похода в Неаполь нужны были деньги, много денег. И они могли понадобиться Людовику буквально со дня на день.

Смерть Карл V прихлась очень кстати. За малолетством племянника старший из регентов получил возможность запустить руки в королевскую казну. И, если верить французским хроникам, не преминул этим шансом воспользоваться. Как политик он был на голову выше младших братьев, а потому мог вить верёвки не только из них, но и из всего Большого совета. Парижская молва уверяла, что едва Карл V испустил дух, Людовик Анжуйский мошеннически присвоил 17 миллионов франков государственных средств. Затем, угрожая смертью Филиппу де Савуази, исполнявшему обязанности главного казначея, понудил того выдать драгоценности, золото и серебро в слитках, а также золотую и серебряную посуду из неприкосновенного резерва французской монархии.

Решив таким образом финансовую проблему неаполитанского проекта, старший из регентов отправился добывать королевскую корону. В походе он заболел и умер, завещав оставшиеся деньги и ценности Карлу VI. Неизвестно, как повернулась бы судьба, стань Людовик неаполитанским королём (а шансы у него были неплохие), но многие считают, что отъезд из Парижа этого ловкого и прозорливого интригана стал одной из главных причин неудач во внутренней и внешней политике французской монархии.

Второй из братьев Карла V, Жан Беррийский, к власти как таковой был практически равнодушен. Его снедала иная, куда более почтенная страсть: любовь к искусству. Казалось, этот герцог пытался собрать в своих замках все шедевры живописи, графики, скульптуры и ковроткачества, которые только

имелись и производились в королевстве, а также за его пределами. Жан Беррийский был тем идеальным заказчиком, о котором во все века грезят гении искусства. Нанимая талантливых мастеров, герцог предоставлял им широкую свободу для творчества. Французские музеи благодарны Жану Беррийскому за сохранение и создание удивительных произведений искусства, считающихся в наше время эталонами Северного Ренессанса. И мало кто сейчас вспоминает, что герцогская страсть требовала в те годы безумных затрат. Тонкий знаток искусства и щедрый меценат был уверен, что простолюдины существуют лишь для удовлетворения его желаний. В результате своими неуёмными поборами Жан Беррийский умудрился всего за несколько лет разорить находящийся под его управлением богатый Прованс. Жители провинции подняли восстание, которое пришлось подавлять военной силой.

Третий из регентов, Филипп Бургундский, прозванный Смелым, был храбрым и талантливым полководцем, заслужившим на полях сражений репутацию бесстрашного воина. Честолюбием и жаждой власти он не уступал Людовику Анжуйскому, но к королевской короне рук не тянул. Ни к французской, ни к какой другой... Его вполне устраивала герцогская. Как всякий прирождённый военный, он привык заботиться о подчинённых, а потому и к обязанностям правителя Бургундии относился схожим образом. В первую очередь Филипп Смелый думал о процветании собственного герцогства, и только затем – об интересах Франции.

Во времена Карла V младший брат был лучшим из его вассалов, но при малолетнем Карле VI стал главным виновником развала центральной власти. Однако в первые годы регентства его деятельность ещё приносила Франции ощутимую пользу. Один из ярких примеров – история покорения Фландрии.

С первых дней Столетней войны это графство заняло неоднозначную политическую позицию. Его правители чаще склонялись на сторону французского короля, а горожане, благополучие которых покоилось на британской шерсти, были настроены проанглийски. Однако к концу XIV века ситуация изменилась. С каждым годом британские купцы всё больше шерсти продавали через Кале, и это вызывало недовольство во Фландрии. У лондонского общества тоже имелись претензии к союзникам. Там считали, что фламандцы поддерживают англичан лишь в годы успехов и изменяют им при неудачах. В этом была изрядная доля истины, поскольку конечной целью фландрских городов была полная независимость. Не только от Франции, но и от Англии. Отношения омрачали периодические столкновения на море.

Положение изменилось в 1379 году, когда во Фландрии началось очередное антифеодальное выступление. Его центром стал город Гент. После трёхлетней борьбы, протекавшей с переменным успехом, граф Фландрский обратился за помощью к Карлу VI. В ответ представители восставших горожан во главе с Филиппом Артевельде призвали на помощь англичан.

В Париже на просьбу графа ответили согласием. Регенты, управлявшие страной от имени юного короля, решили воспользоваться сложным положением правителя Фландрии, чтобы утвердить в этой области гегемонию Франции, ведь сыновей у графа не было, а единственная дочь Маргарита в 1379 году стала женой бургундского герцога. После смерти отца она должна была унаследовать власть над Фландрией и передать управление графством мужу. Филипп Бургундский получил возможность нанести превентивный удар по противникам Франции и заранее решить проблему «фландрского наследства» в свою пользу.

27 ноября 1382 года 12-тысячная французская армия разбила войска восставших в сражении при Розбеке. Почти все города сдались, и только Гент не покорился. Пришлось приступить к осаде. А тем временем Англия начала собирать войска для поддержки фландрского союзника. Экспедиция готовилась как Крестовый поход в защиту интересов римского папы Урбана VI против его авиньонского соперника, антипапы Климента VII. Во главе «божьего войска» встал епископ Генрих Диспенсер.

Весной 1383 года крестоносцы высадились в Кале. Они опустошили и разграбили Пикардию, вторглись во Фландрию, но не смогли взять ни одного города. Военные неудачи, болезни и мародёрство привели к глубокой деморализации и без того слабой английской армии. В результате она в панике отступила, узнав о приближение войск Карла VI. Жители Гента были брошены на произвол судьбы. В 1385 году они заключили соглашение с Филиппом Смелым. Бургундский герцог показал себя мудрым политиком. Он подтвердил все имеющиеся вольности города, настояв лишь на официальном отказе от союза с Англией.

После короткой передышки Франция в последний раз на этом этапе Столетней войны попыталась достичь решительной победы. Планировалось провести наступательную операцию на территории Англии, атакуя её с двух сторон – с юга и севера.

Начать решили мощным ударом из Шотландии. Весной 1385 года, как только истёк срок перемирия, на остров прибыло полуторатысячное войско Жана де

Вьенна. Однако французы не учли, что у шотландцев в этой войне были собственные интересы. Захват Англии французами они считали не менее опасным для себя, чем покорение Франции англичанами. В любом случае соседом Шотландии становилась могучая империя, способная поглотить их страну без усилий. И потому, как только английское королевство ослабевало, снижалась заинтересованность шотландцев в союзе с Францией. Вот и сейчас их полководцы стремились свести дело к пограничному грабительскому рейду, не ввязываясь в большую войну. Пока союзники спорили, подошла английская армия, спешно собранная Ричардом II. Шотландцы благоразумно отошли на свою территорию. Жану де Вьенну пришлось вернуться домой, так и не вступив в бой.

Срыв северного удара сделал вторую часть плана бессмысленной. Собранные для вторжения в Англию войска простояли в районе Слейса полтора года и были распущены по домам под предлогом болезни Филиппа Смелого. Неизвестно, был его недуг реальным или «дипломатическим», но в экспедицию на британский берег бургундский герцог не рвался. Благополучие его новых подданных напрямую зависело от торговли с Англией, и продолжение войны было им совсем невыгодно. Следуя желаниям фламандцев, Филипп Смелый перешёл в лагерь сторонников соглашения с Англией.

Такое явное пренебрежение государственными интересами в пользу личных выгод, естественно, не осталось незамеченным. Если можно бургундскому герцогу, то почему нельзя остальным? Справедливости ради надо отметить, что у внезапного миролюбия Филиппа Смелого были и объективные причины. Долгая война и череда неурожаев разорили Францию. Население в опустошённой Пикардии голодало. Высокие налоги стали причиной многочисленных восстаний в разных концах страны. На местах герцоги, графы и бароны прибирали к рукам всё больше реальной власти. Кое-где между ними начались феодальные войны, исчезнувшие при прежнем короле. К тому же Карл VI вырос, женился. Пришло время передавать ему бразды правления. А это всегда лучше делать в мирной обстановке.

Англии, ослабленной военными поражениями, передышка была нужна ничуть не меньше. Однако начавшиеся в 1386 году переговоры шли трудно. Представители Карла VI требовали от Ричарда II отказа от претензий на французскую корону. Английская сторона соглашалась на это лишь при условии передачи ей суверенитета над Гасконью и Нормандией. Для Франции это было неприемлемо. Переговоры неоднократно прерывались, потом снова возобновлялись. Наконец в июне 1389 года стороны подписали соглашение о

перемирии.

Годом ранее Карл VI объявил подданным, что отныне будет сам управлять королевством, и распустил Большой совет. При передаче дел вскрылись многочисленные злоупотребления, казнокрадство и произвол всех трёх регентов (один из которых, Людовик Анжуйский, умер несколько лет назад). Карл VI отстранил старшую родню от управления государством, окружив себя новыми людьми, которые известны историкам под названием «кружок мармузетов», то есть любимчиков. Признанным главой королевских фаворитов стал коннетабль Франции Оливье де Клиссон. Примыкал к кружку и младший брат Карла VI, Людовик Орлеанский. Новое правительство провозгласило курс на реформы. Были приняты меры для стабилизации финансовой системы и возвращения к полноценной монете, отменены введённые регентами «чрезвычайные» налоги, началась борьба с самоуправством и коррупцией местных властей. Всё это способствовало стабилизации экономики и замирению возмущённых провинций.

Однако отстранённые от власти регенты не желали сдаваться. Сначала скоропостижно умер епископ Лаонский, убедивший короля сменить окружение. Прямых улик следствию обнаружить не удалось, но в обществе были уверены, что бывшие регенты избавились от него с помощью яда. Затем изгнанный из дворца Пьер де Краон[5 - Он приходился кузеном Жану де Краону, деду Жюль де Рэ.] организовал покушение на лидера мармузетов Оливье де Клиссона. В ночь на 13 июня 1392 года отряд наёмных убийц напал на возвращавшегося от короля коннетабля. Завязалась драка, Клиссон отчаянно отбивался, но удар копьем в голову свалил его с коня. В пылу сражения коннетабля сочли погибшим. Руководивший нападением Краон умчался в Бретань, надеясь укрыться там от королевской мести. Как выяснило следствие, своими планами расправиться с коннетаблем он делился с личным секретарём герцога Беррийского, а тот докладывал своему господину. Однако королевский дядя, по его словам, не придавал значения «досужей болтовне».

Карл VI, не без оснований подозревая, что удар был направлен против него, воспылал жадой мести. Королевскую ярость не смогло утишить даже сообщение о том, что Клиссон благополучно поправляется. У следствия появилась информация, что бретонский герцог Жан IV знал о планах Краона и обещал предоставить ему убежище. Спешно была собрана карательная экспедиция против «изменника». Карл VI решил сам вести армию в Бретань. Краон к тому времени успел перебраться в Арагон.

В поход армия выступила 5 августа 1392 года. Накануне Карл VI чувствовал себя усталым и разбитым, его мучила лихорадка. Большую часть ночи больной не мог заснуть. Приближённые, естественно, тоже не смыкали глаз. Когда выехали из города, под летним солнцем всех разморило. Король мирно дремал в седле. В это время один из уснувших пажей выпустил из рук копье, и оно стукнулось о шлем идущего впереди пехотинца.

Лязг удара разбудил короля. Он вздрогнул, мутными глазами обвёл окружающих рыцарей и обнажил меч. Внезапно, прежде чем кто-либо понял, что происходит, Карл VI заколол бастарда де Полиньяка. После чего с воплем: «Вперёд, на предателей!» – напал на собственного брата. Людовику Орлеанскому удалось оторваться от погони и укрыться в лесу. Почти час король раздавал удары направо и налево, явно не понимая, что находится среди своих. Ошеломлённые конники и пехотинцы не смели ему отвечать, а лишь закрывались щитами. Наконец дворцовый кастелян Гильом Мартель догадался, что дело неладно. Кинувшись сзади на круп королевской лошади, он стащил монарха на землю и обезоружил.

Карл VI не узнавал никого. Лицо его исказило судорогой, глаза дико вращались. Через несколько минут несчастный впал в сон, «напоминавший скорее смерть». Тело было холодным, сердце прослушивалось слабо. Поход срочно прервали. Короля на повозке доставили в ближайший город, где им занялись врачи. Двое суток больной не подавал признаков жизни. Казалось, он умирает. Однако через 48 часов Карл VI пришёл в себя. Узнав о случившемся, он приказал выделить пожизненные пенсии вдовам и сиротам.

Естественно, ни о каком продолжении похода не могло быть и речи. Короля доставили в Париж, где ему предстояло «предаться длительному отдыху». Вскоре стало известно, что в Испании Краон ввязался в очередную авантюру и оказался в тюрьме. Подозрения в укрывательстве изменника с герцога Бретонского были сняты, и надобность в военной экспедиции отпала.

В Париже Карл VI, оставивший мысли о мести, развлекался охотой и балами. Он полюбил гулять в королевском зверинце, угощая ручных павлинов. Врачи высказали предположение: еду короля отравили или заколдовали[6 - На самом деле заболевание явно было наследственным. Приступы безумия случались и у королевы Жанны Бурбонской, матери Карла VI. А через 60 лет после Карла с ума сойдёт его внук, английский король Генрих VI.]. Были исследованы остатки пищи, которую он принимал до начала приступа. Результаты получились

нулевыми: все «пробовальщики» (осужденные на смерть преступники) остались живы-здоровы. На всякий случай решили сменить окружение.

Так правительство мармузетов было отстранено от власти, а к управлению страной вернулись королевские дяди: Жан Беррийский и Филипп Бургундский. Компанию им составил подросший брат Карл VI, Людовик Орлеанский. Не исключено, что щадящий режим и тихая семейная жизнь могли помочь окончательному выздоровлению короля, но вскоре случилось новое потрясение, окончательно помутившее его рассудок.

6 февраля 1393 года королева Изабелла устроила бал в честь замужества любимой фрейлины, Катерины де Фастоврин. По обычаю празднеству, организованному для вступающей в брак вдовы, полагалось стать шутовским представлением: с весёлым валянием дурака и непристойными шутками. Карл VI очень любил свою супругу и стремился угождать ей во всём. Втайне от гостей он готовил необычный сюрприз. Королю помогали пятеро молодых придворных: граф де Жуаньи, бастард Ивен де Фуа, Эймар де Пуатье, Ожье де Нантуайе и Гуго де Гисе. Вся шестёрка обрядилась в льняные мешки с наклепленными там и сям пучками пеньки и мочала, изображающими шерсть. В качестве клея использовали смолу. Весёлая компания собиралась изобразить пляску дикарей, для чего вооружилась суковатыми дубинами. А чтобы зрители не испугались, «дикари» – все, кроме Карла VI, – были скованы длинной цепью. Когда ряженые ввалились в зал, благоразумная королева Изабелла приказала факельщикам отойти подальше. Очевидно, она сразу поняла, насколько горючими могут быть такие костюмы.

Представление удалась на славу: дамы визжали и ойкали, кавалеры хохотали, отпуская сальные остроты. Все гадали, кто скрывается под масками, так как в полутьме «дикари» были совершенно неузнаваемы. Придворным хотелось получше взглядеться и понять, чья шутка оказалась такой удачной. Но они не решались нарушить приказ Изабеллы. Неожиданно мучимый любопытством Людовик Орлеанский выхватил у слуги факел и поднёс к одному из ряженных, пытаясь взглядеться в лицо. Просмолённый костюм вспыхнул, как политый спиртом хворост. Пламя быстро перепрыгивало с одного «дикаря» на другого. В зале началась паника. Давя друг друга, придворные бросились к выходу. Объятый пламенем бастард де Фуа крикнул: «Спасайте короля!»

Рядом с горящим Карлом оказалась герцогиня Жанна Беррийская[7 - В девичестве Жанна Булонская, в 15-летнем возрасте она вышла замуж за дядю

короля, который годился ей даже не в отцы – в деда.]. К счастью, она не потеряла головы. Мгновенно догадавшись, что король – единственный свободный от цепи «дикарь», она повалила горящего Карла на пол и юбками сбила огонь. Ещё один из шутников – Нантуайе – сумел спастись, бросившись в чан с водой для мытья посуды. Остальные погибли от ожогов несколько дней спустя.

Король выполз из-под шёлковых юбок практически невредимым, но вид объятых пламенем друзей, их крики и запах горячей плоти оказались слишком сильным ударом для его психики. С тех пор и до самой смерти многомесячные приступы безумия сменялись короткими периодами просветления, после которых всё начиналось снова. В болезненном состоянии король становился агрессивным и злобным, избивал супругу, рвал на себе одежду, колотил посуду, не помнил собственного имени. Во время одного из приступов Карл VI вообразил себя стаканом, и стал громко требовать, чтобы его облачили в латы и не дали разбиться на куски. Бывало, что несчастный сумасшедший отказывался мыться и брить бороду, мочился и испражнялся в нижнее бельё, словно маленький ребёнок. Случалось, что он буйствовал по нескольку дней подряд, сопротивляясь всем попыткам лакеев помыть или переодеть свою королевскую особу. Поскольку отобрать у монарха столовые ножи и вилки было немыслимо, слуги входили в комнату больного, надев под платье боевые кирасы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Юный наследник престола.

2

Будущий король Карл V.

3

Коннетабль – с XII века – военный советник короля, а с XIV века – главнокомандующий армией.

4

Так, за короля Иоанна II англичане потребовали выкуп в 3 миллиона золотых крон.

5

Он приходился кузеном Жану де Краону, деду Жилия де Рэ.

6

На самом деле заболевание явно было наследственным. Приступы безумия случались и у королевы Жанны Бурбонской, матери Карла VI. А через 60 лет после Карла с ума сойдёт его внук, английский король Генрих VI.

В девичестве Жанна Булонская, в 15-летнем возрасте она вышла замуж за дядю короля, который годился ей даже не в отцы – в деды.

Купить: https://tellnovel.com/ru/putyatin_aleksandr/soratnik-orleanskoy-devy-triumf-i-tragediya-zhilya-de-re

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)